

РЕЛИГИОЗНАЯ АКТИВНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ (1940–1960-е гг.)

В. П. Ключева

Статья посвящена характеристике религиозных общин Тюменской области в 1940–1960-е гг. Приводится информация по всем конфессиям и деноминациям, существовавшим в регионе в послевоенные десятилетия. Анализируется отношение государства к различным конфессиям и деноминациям. Делается вывод, что для части советского общества религиозные убеждения являлись важной составляющей мировосприятия.

Ключевые слова: социальная история XX в., религия, свобода совести, православные, мусульмане, протестанты, Тюменская область.

Уже в годы Великой Отечественной войны отношение к верующим становится более терпимым. Некоторые общины (православные, католические, евангельских христиан-баптистов, мусульманские и ряд других) получили возможность легитимировать свою деятельность и открыто заявить о своем присутствии в жизни советского общества. В 1943 г. Совнарком СССР принял постановление об образовании Совета по делам РПЦ. Этот орган стал частью системы центральных государственных учреждений страны и относился к непосредственному ведению Правительства СССР. В 1944 г., создается Совет по делам религиозных культов, в ведение которого были переданы все остальные конфессии и деноминации [Одинцов, 2005. С. 82, 108]. При этом, несмотря на некоторые послабления, верующие оставались под пристальным вниманием государства, выступая объектом наблюдений, разработок и спецопераций.

Религиозное сообщество Тюменской области в 1940-е и последующие годы было представлено различными конфессиями и деноминациями: христианские (православные, старообрядческие, протестантские, католические), мусульманские и иудейские религиозные общины. Часть из них были зарегистрированы и действовали более или менее открыто: православные (в Тюмени, Ялуторовске, Ишиме, Тобольске и некоторых других населенных пунктах), мусульманская община в д. Чикча (Ярковский р-н) и община евангельских христиан-баптистов г. Тюмени. Другим приходилось скрывать свои убеждения или собираться тайно, нелегально. Среди нелегальных общин были истинно-православные христиане, иудеи, пятидесятники, адвентисты-реформисты, свидетели Иеговы, меннониты, лютеране (упоминаемые в источниках как «бет-брудеры»).

Возможность получения регистрации для многих верующих стала знаковым событием. Наиболее важным это было для протестантских групп, воспринимаемых в российском обществе как секты. В 1944 г. был учрежден Всесоюзный Совет Евангельских христиан и баптистов (ВСЕХБ). (Первоначально Совет назывался ВСЕХИБ, затем две деноминации — евангельских христиан и баптистов слились в одну, и аббревиатура Совета стала выглядеть следующим образом — ВСЕХБ.) Несмотря на название, ограничивающее число участников Совета, предполагалось, что ВСЕХБ объединит разные протестантские деноминации, не только евангельских христиан и баптистов, но и пятидесятников, меннонитов и пр. В 1947 г. Совет объединял около 3000 общин. В их число вошла и тюменская церковь евангельских христиан-баптистов. Регистрация тюменской общины состоялась в 1946 г. Молитвенный дом (по ул. Чернышева, 22) был открыт 30 апреля 1946 г., пресвитером был утвержден Василий Андреевич Торбеев [ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 884. Л. 9].

По мнению уполномоченного по делам религиозных культов по Тюменской области Е. Кузнецова, община особенной активности не проявляла. Хотя, по воспоминаниям самих баптистов, послевоенные годы стали временем усиленной миссионерской деятельности. Косвенным подтверждением этого факта может служить крещение в 1947 г. девяти человек. Молитвенные собрания проходили один раз в неделю [Там же. Л. 24–25]. В первые годы после регистрации в общине насчитывалось не более 20 членов. Тюменские баптисты оказались первой (если не считать православных) официально зарегистрированной общиной. Долгое время они оставались единственными легально существующими в регионе протестантами. В тюменской общине

бытует мнение, что возможность регистрации была предоставлена из-за того, что В. А. Торбеев работал по обустройству зала, в котором находилось тело Ленина, эвакуированное в Тюмень.

В 1946 г. пытались узаконить свое существование ишимские баптисты, но их заявление было отклонено «за отсутствием должного помещения под молитвенный дом» [Там же. Л. 5]. По численности ишимская группа была значительно больше тюменской, насчитывала до 60 чел. Следующую безуспешную попытку получить регистрацию и открыть молитвенный дом баптисты Ишима предприняли в 1955 г. В этот раз им было отказано из-за того, что выбранный дом «не соответствует санитарным и противопожарным правилам для использования в качестве молитвенного дома» [ГУТО ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 693. Л. 201].

Одновременно с тюменскими баптистами получили легальное оформление мусульмане. В 1947 г. в д. Чикча Тюменского района была открыта мечеть [ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 4. Д. 27. Л. 19]. До 1980 г. (когда мечеть была открыта в Тобольске) она также оставалась единственной. Перед решением о регистрации первой мусульманской общины в области уполномоченный по делам религиозных культов высказывал свое мнение о последствиях такого действия: «Со своей стороны считаю, что при разрешении Вами открытия хотя бы одной мечети в области даст большой толчок остальным населенным мусульманским пунктам и подачи ими заявлений об открытии молитвенных зданий и регистрации общин» [Там же. Оп. 3. Д. 884. Л. 17]. Потребность в легализации мусульманских общин в регионе была значительной, так как многие села были исключительно мононациональными — татарскими по составу населения.

В 1949 г. мусульмане трех населенных пунктов (д. Юрты Андреевские Тюменского р-на, д. Каргалы Ялуторовского р-на и г. Ялуторовск) также выступили с просьбами об открытии мечетей и регистрации общин. Отказ по заявлению из д. Юрты Андреевские мотивировался тем, что частный дом, в котором предполагалось открыть мечеть, не соответствует требованиям. В остальных случаях заявления высказывались устно, и поэтому было предложено написать письменное ходатайство [Там же. Д. 885. Л. 3–6]. О дальнейших действиях мусульман информации в источниках не сохранилось: либо они не последовали, либо разрешение так и не было получено.

Потребность в исполнении религиозных обрядов и невозможность посещения единственной мечети области повлекли за собой возникновение института «нелегальных мулл», в роли которых «выступила сохранившаяся часть духовенства и просто мусульманских “авторитетов”» [ГАСПИТО. Ф. 3894. Оп. 2. Д. 38. Л. 156]. По мнению контролирующих органов, в роли нелегальных мулл чаще всего выступали самозванцы. «Нелегальные муллы» также стремились получить законный статус. В ряде случаев они обращались в соответствующие органы с просьбой о разрешении проводить мусульманские обряды, в том числе обряд обрезания, самостоятельно, вне зависимости от мечети. Более того, некоторые из них имели документы, выданные Центральным управлением мусульман в Уфе, подтверждающие их компетенцию [ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 885. Л. 5].

Отказ в регистрации не означал снижения религиозной активности. Люди подавали прошения, получали отказ и собирались без разрешения. Например, мусульмане Тюмени и д. Новые Юрты в 1946 г. получили отказ на ходатайство о регистрации, но, хотя официальные власти считали, что эти прошения «не носят настойчивого характера» [Там же. Оп. 4. Д. 27. Л. 19. Л. 29–30], спустя 15 лет (1961 г.) численность верующих в обоих населенных пунктах достигала 200 чел. [Там же. Д. 370. Л. 10–11]. В конце 50-х гг. на Курбан-байрам в Новых Юртах собралось около 300 чел., преимущественно мужчин (от 12 лет и до преклонного возраста) [ГАСПИТО. Ф. 3894. Оп. 2. Д. 33. Л. 85].

В 1947–1948 гг. уполномоченный Совета по делам религиозных культов по Тюменской области отмечал, что «к наиболее распространенным течениям можно отнести мусульман, секту баптистов с разновидностями (к разновидностям баптистов относили не только пятидесятников, но и Свидетелей Иеговы. — В. К.), старообрядцев и иудеев. Хотя последняя никакой активности не проявляет, и лишь по некоторым непроверенным сведениям небольшая группа евреев конспиративно собираются в частном доме своего единоверца» [ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 884. Л. 29–30]. Кстати, в 1960 г. тюменский еврей М. Д. Зейдвебер-Лихтенштейн обвинялся в привозе религиозной литературы из Польши для тестя. Тесть, «являясь одним из организаторов религиозных еврейских сборищ» [ГАСПИТО. Ф. 3894. Оп. 2. Д. 38. Л. 156], использовал ее для чтения на собраниях. Однако документальных подтверждений существования миньяна в Тюмени в период 1940–1960-х гг. пока не обнаружено.

В конце 1940-х гг. в Тюменской области молитвенные служения практиковала незарегистрированная баптистская община в Ишиме, члены которой «вели усиленную агитацию среди право-

Религиозная активность населения Тюменской области (1940–1960-е гг.)

славных за переход в их секту с некоторым успехом» [ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 884. Л. 24–25]. Вскоре в этой группе начался раскол на баптистов-евангелистов и иеговистов. Вероятно, на раскол повлияла приехавшая в Ишим из Казахстана проповедница-иеговистка [Там же].

Истинно-православные христиане (ИПХ) проживали в Ханты-Мансийском округе, большинство из них были высланы из центральных районов страны. Первая информация о них датируется 1944 г. ИПХ сохраняли и умудрялись высказывать свои убеждения даже в тяжелых условиях. В частности, они не участвовали в выборах, и местные власти даже не включали их в списки избирателей [ГАСПИТО. Ф. 3894. Оп. 2. Д. 38. Л. 9]. Конечно, это не подтверждало право на реализацию религиозных убеждений, скорее всего, местные органы просто не хотели действовать в заведомо проигрышной ситуации.

Заметную активность проявляла группа иеговистов, находящаяся в п. Сургут Сургутского района Ханты-Мансийского национального округа. Также Свидетели Иеговы были замечены в Тобольске, Н-Тавде, Остяко-Вогульске (так в источнике. — В. К.) [ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 884. Л. 30].

Нелегальные адвентистские общины (адвентисты-реформисты) действовали в Тюмени с конца 1940-х гг. [ГУТО ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1714. Л. 16], а в Ялуторовске с 1957 г. [Из протокола народного суда...]. Большинство таких групп были малочисленными — 5–10 чел., но известны и значительные по численности общины.

На рубеже 1940–1950-х гг. в области насчитывалось 88 незарегистрированных мечетей и, по подсчетам уполномоченного, более 7000 мусульман. Верующие собирались на религиозные праздники — Уразу и Курбан-байрам. Обрядовой стороной руководили муллы. Так, в Байкаловском районе было обнаружено два бывших муллы, «кои отправляют молитвенные обряды мусульманского вероисповедания, особое проявление происходит в населенных пунктах Тобол-Тура, где имеется мечеть». Отмечалось, что в некоторых татарских деревнях «отправление ритуалов среди верующих, в частности “обрезание”, совершают нелегально избранные верующими муллы» [ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 884. Л. 29–30]. До сих пор мусульмане рассказывают, что по деревням ходили так называемые «бродячие муллы». Их приглашали специально для никаха, именнаяречения младенцев, проводов покойных и пр. Такая ситуация сложилась прежде всего из-за того, что «этническими мусульманами», в нашем случае татарами, ислам воспринимался как часть традиционной культуры, а не только как религиозная составляющая.

На юге области были меннонитские общины. Формирование меннонитских групп на территории Тюменской области связано с депортацией немецкого населения из центральных районов страны в 40-е гг. XX в. Концентрировались меннониты главным образом в Исетском районе. Активизация деятельности общин относится к рубежу 1940-х — 1950-х гг., когда из лагерей трудармии возвращается мужское население. Именно так произошло в Исетске, когда туда к родственникам, высланным из Аркадакского района Саратовской области, прибыли Д. Д. Паульс, И. Я. Фрезе и Я. Я. Фрезе. Под руководством Д. Д. Паульса формируются группы в совхозе «Коммунар» и с. Верх-Бешкиль. За организацию нелегальных религиозных собраний Паульс был арестован и осужден в апреле 1952 г. на 25 лет лишения свободы в исправительно-трудовых лагерях [Эйхельберг, 1999. С. 65]. Но арест отдельных проповедников уже не мог серьезно повлиять на религиозную жизнь меннонитов, дело организации собраний из одних рук переходило в другие.

В 1956 г. общины меннонитов насчитывали в с. Верх-Бешкиль 14 чел., с. Слобода Бешкиль — 28, с. Исетском — 34 и совхозе «Коммунар» — 49, а всего 125 чел. К 1958 г. их общая численность возросла до 140 членов. Здесь были представлены как братские, так и церковные меннониты, которые, впрочем, в условиях гонений предпочитали объединяться и вести совместное церковное общение.

С середины 50-х гг. начинается оживление внутри религиозного сообщества. В 1954 г. было принято постановление ЦК КПСС «об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения», в котором говорилось о необходимости «избегать всякого оскорбления чувств верующих». Таким образом, менялась стратегия искоренения религиозности в советском обществе. Пришло понимание, что одни репрессивные меры, в их числе запреты и отказы в регистрации (даже тем, кто подпадал под определение «изуверские секты»: пятидесятники, адвентисты-реформисты), не помогут. Но такая ситуация продолжалась недолго.

С 1955 г. в Тюменской области начинают действовать проповедники. Во многом это объясняется окончанием срока заключения или амнистией, которую в 1954–1955 гг. получили репрессированные по религиозному признаку (но, конечно, не только они). Верующие, прошедшие лагеря и сохранившие свои убеждения, становились активными проповедниками. В Тюменской

области среди амнистированных верующих были пятидесятники, лютеране, православные, адвентисты и др. Появление таких людей, сохранивших свои убеждения, способствовало возникновению интереса к религии у части светского общества.

Интерес к религии проявляла и молодежь. В аналитических отчетах КГБ отмечается, что молодые люди ходили на собрания к пятидесятникам, меннонитам, лютеранам. Среди православных увеличилось число молодых верующих, чаще стали совершаться обряды крещения, венчания, исповеди. Татарская молодежь хотя не посещает мечеть, но соблюдает религиозные обряды [ГАСПИТО. Ф. 3894. Оп. 2. Д. 29. Л. 27–28].

В Ялуторовске в 1957 г., по сообщению надзирающего органа, «за последние месяцы значительно увеличилось посещение православной церкви, чему способствовало появление в церкви прибывшего из заключения Фанделюк Василия» [Там же. Л. 28]. В религиозные праздники и воскресенье в церкви собиралось до 600 чел. После освобождения в с. Антипино (Нижне-Тавдинский р-н Тюменской обл.) приехал один из руководителей адвентистов-реформистов «Бессарабского миссионерского поля» — П. Я. Мангул [Там же. Д. 33. Л. 18]. (Он приехал для воссоединения с семьей, ранее высланной в Сибирь из Молдавии.) В Тюмени начали евангелизационную работу лидеры бет-брудеров — Ф. К. Фрис, К. Ф. Эрлих, Р. Я. Проп, И. И. Гофман, К. Ф. Роммель, — тоже бывшие заключенные [Там же. Л. 35].

Работа по восстановлению религиозных общин проходила разными способами. Конфессии находились в неравных условиях. Общины, подпадавшие под возможность официальной регистрации и, следовательно, существовавшие в некоторой степени спокойно, открыто проводили свои богослужения. Участники богослужений не находились под постоянной угрозой ареста. Соответственно религиозные лидеры незарегистрированных общин предпринимали попытки узаконить свое положение и открыть молитвенные дома. В 1955 г. с просьбой об открытии молитвенного дома обращались ишимские баптисты. С подобной просьбой в 1957 г. бет-брудеры г. Тюмени неоднократно ходатайствовали об открытии официального молитвенного дома, но им было рекомендовано посещать молитвенный дом евангельских христиан-баптистов, что для лютеран-бет-брудеров было невозможно [Там же. Д. 33. Л. 35]. На 1960 г. КГБ зафиксировало в области присутствие 11 церквей и «около 50 нелегальных религиозных сектантских групп» [Там же. Д. 40. Л. 97].

За всеми религиозными группами велся жесткий контроль. Способы воздействия на тех, кто начинал «играть не по правилам», были разнообразными: публикация «разоблачительных» газетных статей, частные профилактические беседы, сообщения о религиозных убеждениях по месту работы и пр. Например, после появления в Ишиме нового священника И. Воронина, позволявшего во время бесед негативные высказывания в отношении советских газет, церковный староста был вынужден «добровольно», после беседы в местном управлении КГБ, отказаться от своей должности и написать статью о враждебных высказываниях священника. Все это было сделано для «компрометации Воронина в глазах верующих и отрыва верующих от церкви и веры» [Там же. Д. 38. Л. 63–64]. С иеговистом Ф. Тымко были проведены «мероприятия по склонению... к открытому разрыву с иеговистами и разоблачению их враждебной сущности». В результате общения с представителями КГБ Тымко не только вышел из общины, но «дал согласие выступить с разоблачением враждебной сущности иеговистов в печати» [Там же. Л. 17].

Еще один способ «разоблачения» религии — газетные публикации. В местной прессе («Тюменская правда», «Тюменский комсомолец») появляются статьи с говорящими названиями: ««Братья» тьмы» [1962], «Правда о святошах» [1962], «Человечность против мракобесия» [1959], «Пирог с отравой» [1964], «Приюти раба Божия» [1964] и т. д. В настоящее время эти статьи, несмотря на их политическую ангажированность, помогают восстановить фактологию и прояснить дискурс общества, в котором жили советские верующие.

На рубеж 1950–1960-х гг. приходится волна судебных процессов по религиозным мотивам. Например, в Тюмени в 1959 г. состоялся общественный суд над руководителями пятидесятнической общины, существовавшей в 1957–1959 гг. [ГАСПИТО. Ф. 3911. Оп. 1. Д. 195. Л. 100]. В 1961 г. в Ялуторовске были осуждены Е. И. Бабушкин, руководитель пятидесятнической общины, и Н. Скориков, лидер общины адвентистов-реформистов [Из протокола народного суда...]. В 1960 г. в Исетском районе была проведена нейтрализация меннонитов путем привлечения активных проповедников к уголовной и административной ответственности, дискредитации верующих через печать и «проработок» на собраниях.

В целом оценка деятельности верующих, относящихся к незарегистрированным общинам, была резко отрицательной: «проповедники сектантов организуют нелегальные сборища и об-

рабатывают верующих в духе отрыва их от участия в общественно-политической и культурной жизни, прививают им религиозный фанатизм» [ГАСПИТО. Ф. 3894. Оп. 2. Д. 40. Л. 97–98]. Человеку, выросшему в советском антирелигиозном государстве, достаточно было прочитать описание того, что происходило на молитвенных собраниях, чтобы согласиться с опасностью, несомной «изуверской сектой» (цитата относится к пятидесятнической общине г. Тюмени. — В. К.): «фанатики-сектанты доводили себя до нервного экстаза — тряслись и выкрикивали отдельные нечленораздельные звуки... Королев, Самсонов, Черников (руководители тюменских пятидесятников. — В. К.) превращали участников сборищ в фанатичных сектантов, теряющих человеческое достоинство, пренебрегающих своим гражданским, общественным и семейным долгом, вносящих в наши советские семьи разлад, горе и прямое разрушение» [ГАСПИТО. Ф. 3911. Оп. 1. Д. 195. Л. 100–101]. Следовало обладать достаточным гражданским мужеством и быть крепкими в своих убеждениях, чтобы поступать наперекор общественному мнению. Верующие школьники отказывались вступать в пионеры и комсомол, не занимались в кружках. Взрослые не ходили в кино и театр. Религиозная молодежь, выделяясь внешним видом и одеждой, была обречена на замкнутость. Их появление в общественных местах нередко выливалось в травлю вплоть до избиения [Алексеева, 1992. С. 155].

В 1961 г. Совет по делам религий при Совете Министров СССР утвердил инструкцию, по которой не допускались к регистрации «религиозные общества и группы верующих, принадлежащих сектам, вероучение и характер которых носит антигосударственный и изуверский характер: иеговисты, пятидесятники, истинно православные христиане, истинно православная церковь, адвентисты-реформисты и т. п.» [Ефимов].

С этого времени советским гражданам начинают объяснять, что верующие бывают разные. И если к православным и мусульманам отношение было более-менее терпимым, то «сектанты» воспринимались как «враги государства».

Так, к примеру, с мусульманами вели атеистическо-просветительскую работу. В этот период при областном обществе «Знание» создается отдел по работе среди татар и казахов. Была развернута массовая атеистическая работа среди мусульман, которая привела к закрытию чикчинской мечети [Кабдулвахитов, 2005. С. 153.]. Однако им не угрожал арест, в худшем случае административные наказания, хотя КГБ отмечал, что «распространенным явлением в татарских поселениях до сего времени (1960 г. — В. К.) является ежегодное организованное отправление мусульманскими религиозниками массовых общих ритуальных обедов с молитвами, содержащими обращения к аллаху и просьбами не допускать засухи...» [ГАСПИТО. Ф. 3894. Оп. 2. Д. 38. Л. 12]. Реакция местных властей на подобные праздники была индифферентной, никакого противодействия они не оказывали. Возможно, и потому, что моления проводились в татарских селениях и представители властей сами придерживались таких же убеждений. В материалах КГБ зафиксировано, что «в Тюменском районе имели место факты, когда в религиозных обрядах принимали участие актив села, и даже некоторые члены КПСС, а в ряде случаев такие обряды проводились и в их семьях» [Там же. Л. 11].

Были и более анекдотичные случаи симбиоза местных властей и религиозных граждан. Например, в Криванково (Шипаковский с/с, Юргинский р-н) в течение долгих лет проводилось паломничество к источнику с ключевой водой, где собиралось до 400 чел. Здесь проходили моления и сбор денег. Самое интересное, что часть собранных средств сдавалась в сельсовет, что делало паломничество разрешенным «де-факто» [Там же. Л. 9–10]. Сельсовет перечислял полученные деньги в Госбанк по статье «случайные поступления», а затем использовал для своих нужд [Там же. Д. 33. Л. 135]. Только после ряда предупреждений в 1959 г. «святое место» было замуровано, а земли вокруг него распаханы и засеяны кукурузой.

Деноминации, отнесенные к «изуверским сектам», находились под постоянной угрозой ареста. Они собирались нелегально, так как «вследствие изуверского характера обрядов и антигосударственной направленности секты пятидесятников и адвентистов-реформистов (субботников) советскими органами не регистрируются» [Из протокола народного суда...]. Причины отказа в регистрации различных сект заключались в следующем: «пятидесятники или христиане евангельской веры в силу своего вероучения отрицают защиту отечества с оружием в руках. Иеговисты в силу своего вероучения отрицают всякую гражданскую власть. Истинно-православные христиане в силу своего вероучения не признают Советскую власть» [ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 102. Л. 30]. Конечно же, главная причина была та, что все эти «антигосударст-

венные и изуверские секты» воспринимались как общественно-политические организации и потому находились под жестким контролем карательных органов.

Однако численность верующих не уменьшалась. Так, по материалам единовременного учета (1961 г.) официально зарегистрированных и незарегистрированных религиозных объединений выяснилось, что в Тюменской области присутствует весь религиозный спектр: христиане — православные (в том числе старообрядцы и истинно-православные христиане), католики, протестанты (евангельские христиане-баптисты, пятидесятники, лютеране и бет-брудеры, меннониты), молокане; мусульмане [Там же. Оп. 4. Д. 370. Л. 1а–4б]. Общины по своей численности резко различались: от 5–10 чел. (католические общины в Тюмени, Ханты-Мансийске, баптисты в д. Новый Тап и др.) до 100 и более (мусульмане в д. Новые Юрты, православные в Ялуторовске и др.).

В целом мусульманских религиозных общин насчитывалось 16. Из них в г. Тюмени — 2, одна в центральной части города, другая в д. Новые Юрты, за городской чертой. В Тюмени максимальное количество верующих, посещающих молитвенные собрания, — 70–100 чел. Молитвенные собрания проводились в домах верующих (до 30 чел.), под открытым небом (до 70 чел.).

Католиков было две группы — в Тюмени и Ханты-Мансийске. В с. Абатском были лютеране (в отчете записано: католики лютеранского направления). Тюменских христиан-баптистов — около 80 чел. Также выявлены баптистские общины по селам. Хотя источники этого не зафиксировали, но сохранилась информация, что в с. Исетском была незарегистрированная группа баптистов. Пятидесятники жили в Ялуторовске, Заводоуковске и Тюмени (группа пятидесятников в Тюмени была разогнана в 1959 г.). В Исетском районе (совхоз «Коммунар») действовала меннонитская община (17 членов общины, 2 проповедника и 30 чел., готовящихся к вступлению в общину). Молокане (20 чел.) были обнаружены в Тобольске.

Больше всего различных религиозных групп было в Тюмени. Здесь были представлены почти все выявленные деноминации: православные, мусульмане, католики, бет-брудеры (лютеране), пятидесятники, евангельские христиане-баптисты, адвентисты-реформисты. Следующим местом локализации общин стал Ханты-Мансийск, где не было протестантов и мусульман, зато были истинно-православные христиане.

Обычно молитвенные собрания устраивались по домам. Зачастую общины объединялись вокруг духовных лидеров. Численность сельских групп была небольшой (5–15 чел.). Чаше всего они обслуживались приезжающим проповедником или муллой, тогда как в городах и крупных общинах обычно был свой проповедник.

Советские граждане по Конституции имели право на реализацию свободы совести. В послевоенный период действовала Конституция СССР 1936 г., в которой было записано «...Свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами» (ст. 124). Вряд ли большинство верующих знало о своем конституционном праве на свободное вероисповедание, но по мере сил и возможностей они осознанно или неосознанно отстаивали свои религиозные права, воспринимая их как неотъемлемую часть бытия.

Специфика положения религиозных организаций в стране заключалась в том, что государство настойчиво пыталось вытеснить их из общественной жизни, вплоть до полной ликвидации. Соответственно и государственно-конфессиональные отношения были не равнопартнерскими, а их характер в значительной степени определялся только государством. Подобная политика в отношении отдельных конфессий и невозможность реализации гражданами в полной мере права на свободу совести не преодолены и в настоящее время. Следует вспомнить о разделении на традиционные и нетрадиционные конфессии и активном манипулировании понятиями «этнический православный», «этнический мусульманин», «этнический католик».

Однако сам факт существования религиозных организаций даже в советские годы и их сохранение как общественного института заставляет задуматься о причинах глубокой социальной укорененности. Можно утверждать, что для части советского общества религиозные убеждения оставались важной составляющей их мировосприятия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

Из протокола народного суда Ялуторовского района по обвинению руководителей протестантских религиозных объединений от 7–8 июня 1961 г. // Архив Ялуторовского районного народного суда.

Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря

Религиозная активность населения Тюменской области (1940–1960-е гг.)

1936 г.) (в редакции от 29 октября 1976 г.). Режим доступа: http://constitution.garant.ru/DOC_85479.htm#sub_para_N_1010, свободный.

«Братья» тьмы // Тюм. правда. 1962. 11 сент.

Пирог с отравой // Тюм. комсомолец. 1964. 5 февр.

Правда о святошах // Тюм. правда. 1962. 29 ноябр.

Приюти раба Божия // Тюм. комсомолец. 1964. 8 июля.

Человечность против мракобесия // Тюм. комсомолец. 1959. 11 дек.

Литература

Алексеева Л. И. История инакомыслия в СССР. Вильнюс; М., 1992.

Ефимов И. Современное харизматическое движение сектантства: (Исторический очерк, критический разбор вероучения, положение в настоящее время) // В гостях у законника. Режим доступа: <http://www.geocities.com/Athens/Cyprus/6460/efimov>, свободный.

Кабдулвахитов К. По следам тюменских шейхов. Тюмень, 2005. С. 153.

Одинцов М. И. Власть и религия в годы войны: (Государство и религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.). М., 2005.

Эйхельберг Е. Немцы в Тюменской области: История и современное положение. Тюмень, 1999. С. 65.

Тюмень, ИПОС СО РАН

The article is devoted to a description of religious communities in Tyumen Oblast in 1940–1960. The author cites data on every confession and denomination which existed in the region during the post-war decades. Subject to analysis being the attitude of the state to different confessions and denominations. The conclusion arrived is that for a certain part of the Soviet society religious beliefs remained an important part of their world outlook.

Key words: social history of the XX century, religion, freedom of worship, members of the Orthodox Church, Moslems, Protestants, Tyumen Oblast.